

ГАЛИНА

БУТЫРЕВА

БОГ С ТОБОЙ

June 1968
C. Cameron, Boston
Krameria
Tam. by Mason

20.12.99.
F. Cunningham.

ГАЛИНА
БУТЫРЕВА

**БОГ
С ТОБОЙ**

Стихи

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1994

Бутырева Г. В.

Б 93 **Бог с тобой. Стихи.**— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994.— 80 с.

ISBN 5-7555-0496-2

«Бог с тобой» — первая отдельная книга стихов Галины Бутыревой. До сих пор ее стихи изредка выходили в журнале «Войвыв кодзув», в различных газетах и поэтических сборниках.

Особенность поэзии Г. Бутыревой — это непривычность формы ее стихов, отсутствие рифмы и обычных размеров. Она пишет свободным, белым стихом. Но, кажется, это обстоятельство не очень волнует нашего автора. Она продолжает писать так, как писалось, — наиболее естественным и органичным для нее образом...

Кроме того, автор придерживается мнения литературоведов, говорящих о том, что именно свободный стих стоял у истоков национальной поэзии, — как русской, так и коми, — их традиции одинаково близки и дороги Г. Бутыревой, пишущей на обоих языках.

В книге «Бог с тобой» напечатаны как уже известные, так и новые стихотворения Г. Бутыревой на коми и русском языках, написанные ею в разные годы.

24 (2 Рос—Коми) — 5

Б $\frac{4702310200 - 027}{M 128 (03) - 94}$ 33 — 94 м

© Бутырева Г. В., 1994

© Осипов В. Б., оформление, 1994

© Коми книжное издательство, 1994

ISBN 5-7555-0496-2

К ИСТИНЕ

ГАРМОНИЯ

С восходом солнца

наступает доброе-доброе утро!

(Даже если — тучи и дождь, или пурга).

С закатом солнца

наступает добрый-добрый вечер!

(Даже если — тучи и дождь, или пурга).

Растет трава.

Рыба идет на нерест.

Падает первый снег.

На деревенском столе —
теплый хлеб.

Фырчит самовар.

Мама заваривает клюквенный кисель.

Мама любит меня и отца,

Отец любит меня и маму.

А я люблю

пока

всех-всех:

и маму, и отца, и соседей наших,

и коня-красавца Буяна, и его нелепую родительницу

Лапоть,

и речку Вашку, и белые июньские ночи, и белые облака

в июле,

и лодки, и деревья, и травы...

Казалось, не было ничего такого,

на что бы не хватило моего маленького сердца.

И казалось, что так будет всегда.

АПРЕЛЬСКИЙ СЮЖЕТ

Часто мою душу тревожит такая картина: деревня, кругом еще снег, почти нетронутый солнцем, а у старых стен бабушкиного дома — проталина, коричневая, влажная на талой границе снега и земли, и сухая-сухая у нагретшегося за день сруба.

И я на этой проталине. Сажу, прислонившись спиной к дому, к его теплым могучим бревнам, темным уже и в трещинах, как бабушкино лицо — в морщинах... Упираюсь босыми ногами в землю, и кажется, ощущаю движения, происходящие в земле, глубоко-глубоко в недрах ее, и замираю душой, прислушиваясь.

Как она там, моя Земля?— Моя Родина...

ПОЛОВОДЬЕ

1. После того, как
однажды
перепуганный
почти до сердечного приступа
отец
снял меня
с крыши
деревенской церкви
(бог знает, как забравшуюся туда,—
пяти лет от роду,...),
после
мне было запрещено
даже думать
о крышах!—
Что за причуда...
Но я ничего не могла поделать
с собой:

меня почему-то
неудержимо
влекли к себе
тесовые крыши —
амбаров, банек, домов —
старые,
позеленевшие от времени,
и новые,
сверкающие на солнце
живой смолкой...

Любые!
Едва
апрельское солнце
слизывало снег с крыш,

тайком от всех,
я снова забиралась
на какую-нибудь крышу
и снова и снова
вглядывалась
в знакомые-перезнакомые
дома и дали,

и о чем-то думала,

о своем —

легко и долго...

2. Каждой весной

к нам в деревню
приплывал пароход
из Лешуконска:

с мукой и сахаром,
фанерными ящиками пахучего китайского чая,
пузатыми тресковыми бочками
и прочей мануфактурой...

Ожидание парохода

для всех —

и для детей и для взрослых —
всегда превращалось
в ожидание праздника.

В такой день
вся деревенская детвора
на крышах —

(не я одна...) —
высматривает
появление парохода.

Сначала
за далеким мегом,
над лиловой полоской леса
возникает столб дыма

из пароходной трубы,—
и вся деревня
невольнo содрогается
от наших счастливых воплей...

Похоже,
что этот клич наш
всегда служил сигналом

к тому, чтобы все
садились в лодки
и огородами да лугами
выплывали к реке,
к причалу —

к полоске берега,
чудом не затопленной половодьем...

3. Приплывал пароход,
отчаянно шлепая
широкими плицами колес
по шалой весенней воде,

и, наконец,
пристраивался
у чудо-причала,
отдуваясь и выпуская
фонтаны пара,

словно кит,
огромный...

Спустя какое-то время,
причал

становился похожим
на лабиринт —
из мешков,
ящичков
и бочек...
И мы до поздних сумерек
играли
в этом лабиринте
в прятки...
А потом
пароход уплывал
обратно.
И вскоре исчезал
за дальним мегом.
Только пароходный дым,
будто живой,
будто сам по себе,
еще долго плыл
над самым горизонтом...

4. Народ,
изрядно потрудившись
на разгрузке баржи,
не торопился домой:
на берегу жгли костры,
пили чай со спиртом
и пели песни, коми и русские,—
про море да корабли,
да про солдат, молодых ребят,
плывущих на этих кораблях...
Никогда больше в моей жизни
не было
ни таких костров, ни таких песен,
ни таких людей,—
всякую работу
справляющие
как праздник.

Мама сказала:

«С богом!»—

и лодка, длинная и верткая,
по-щучьи

скользнула с крыльца на воду.

И мы с отцом поплыли —

мимо поленниц дров,

мимо амбаров, мимо банек,

мимо дома Патрак Анны

(теперь, в половодье,

еще более огромного и еще более одинокого

на краю тихого солнечного утра,

и мне казалось, что не мы плыли

мимо этого дома,

а дом плыл мимо нас...)

Весенняя вода,

еще накануне беспокойная и мутная,

лениво плескалась о днище лодки,

коричнево просвечивая до самого доньшка,

и дно это

можно было разглядывать бесконечно.

Там

живописно

лежал дырявый кирзовый сапог

с чьей-то левой ноги

(может быть, это был мой сапог:

в детстве я сапоги снашивала именно так —

шаркая ими друг об дружку и натирая дырки...)

Рядом лежали

консервные банки

из-под ананасов

(да, это были настоящие ананасы,

бог знает, кем и когда завезенные в наше сельпо.

Полуизъеденные ржавчиной банки

зарыли в землю

в страхе отравиться,
а мы, дети,
раскопали одну банку, открыли,
попробовали
и съели все.

И никто не умер.

А взрослые боялись...)

...И кирзовый сапог,
и банки из-под ананасов,
и безрукая глиняная кукла,
и огромная зеленая бутылка —
все казалось под водой
немножко загадочным
и все странно волновало меня...
Недавно в Хельсинки,
в музее современных искусств,
мне довелось увидеть
почти подобную же «картину»
на выставке какого-то модерниста.
Это был обыкновенный круглый аквариум с водой,
только далеко не комнатных размеров,
а на дне его

лежали

часы с облезлой краской
на когда-то коричневом корпусе,
черный башмак,
будто с полотна Ван Гога,
и еще что-то очень знакомое,
и еще...

Я долго стояла как вкопанная:

«картина»

называлась

«Несколько тысяч дней спустя после детства».

* * *

История колодца,
 который и поныне стоит
перед родительским домом,
в последнее время
 вспоминается
 почему-то, как в кино —
когда действие прокручивается назад,
 в обратном направлении:
я вижу,
 как из мерцающей глубины колодца
 обратно ко мне
идет мое отражение в воде —
 пристально всматривается в меня
девочка — соломенная челка...
Я вижу,
 как из колодезной ямы
вытаскивают
 огромную деревянную трубу,
солнечно-желтую, напоминающую
 богатырскую
 дудку-чипсан...
Я вижу,
 как трое в лодке
 выплывают из затопленной деревни,
а за лодкой, как кит, плывет дерево...
я вижу,
 как из фонтанов брызг,
 из половодья
встает могучая лиственница,
 и крона ее,
 величественная,
упирается в высокое весеннее небо!..
А в лодке рядом со мною
 стоит мой отец
с пилой в руках

и задумчиво-восхищенно говорит:

— Добрая получится труба
для нашего колодца...

КОНИ МОЕГО ДЕТСТВА

На прошлогодней рыжей траве,
на островке, под черемухой,
на единственной суше
посередине половодья
стоят кони:
черные — это Буян и Бурлак,
пегие — это Красотка и Орлик,
а красный-красный,
с маленькой белой звездочкой на лбу —
это жеребенок Бойко...

Одна весна сменяет другую.

А я снова и снова

Спускаюсь с бабушкиного крыльца
и, нащупывая босыми ступнями
деревянные мостки под водой,
бреду на островок, что под черемухой,—
на свидание со своим Детством...

*Светлой памяти И. Ф. Павлова, быв-
шего председателя колхоза*

* * *

1

Как хорошо было там
послевоенным лошадям и нам, детям:

как высоки были там луговые травы,
как чиста и прозрачна вода в лесной реке,
какие непуганые были в том краю
звери и птицы, и рыбы!

Как добры и участливы были с нами
деревенские наши громогласные мужики —
там, на сеноставе, на далеком участке,
за тридевять земель от дома...

2

Трое взрослых
да несколько подростков десяти-шестнадцати лет —
вот и вся бригада,
с которой взялся за этот участок дядя Ваня,
пенсионер...

За миг до солнца будил он свою бригаду,
и она косила податливые по росе травы,
и ворошила скошенное накануне,
и ставила стог за стогом...

А вечером взмыленные лошади и дети
входили в прохладные струи лесной речушки
и, счастливые, отходили от зноя и комарья...

Трое взрослых

молча глядели на них
сквозь густой дым дешевых папирос...

А утром, за миг до солнца,
снова все вместе —

большие и малые,
и лошади,
налегали на работу, да так, будто предстояло
скосить последний луг,
будто предстояло
поставить последний стог...

3

Ухх!.. — со свистом и вжиканьем летали литовки
в наших окрепших руках.

Ухх! Ухх! Ухх!

«Да они ли это, мои ребятишки?—
изумлялся вдруг бригадир,
смаргивая с выцветших ресниц то ли каплю пота, то ли
слезы,—

Да они ли это,
спотыкающиеся на том первом лугу,
словно новорожденные сосунки?..»

И неожиданно по всему Щуньёльдину неслось
раскатистое:
— Дак ведь здорово работаете, чертенята-а!..

И каждый из нас невольно вздрагивал от прокуренного
бригадирского баса,

на какой-то миг все замирало внутри каждого из нас...
Но, не останаливаясь, мы вели свои покосы дальше,
до конца наволока, еще влажного от ночной росы,
а дойдя до конца, степенно возвращались назад,
обтирали травой лезвие косы, заправски обтачивали,
и лезвие сверкало на солнце...

— Дак ведь здорово работаете, чертенята-а!—
пело где-то внутри
дяди Ванино восхищение...

МОНОЛОГ СТАРОГО КОНЮХА

Мой сын, еще не сделав ни одного
самостоятельного шага в жизни,
понимаете, ни одного!—
уже сидел на коне!—

ему не было тогда и двух лет...

Я шагал с ним рядом и думал о том,
что, может быть, мой сын когда-нибудь
будет великим полководцем,
или наездником в цирке,

голосый... А вот она, радушная хозяйка, созвала соседей на теплые шаньги и хлеб домашний, белый и ржаной... На ее столе, по-крестьянски длинном, крепко сколоченном: и капуста по-коми, и грибы, и клюква, и морошка, и ладка с рыбой-карасем, и пироги с икрой, и кисель молочный, и квас черемуховый...

Перед самой кончиной, говорили, она уже никого не слышала, не откликнулась ни на чей зов. Только сама все время звала давно покойных сына, мужа и маму: ВЕЧО-О... СЕРГО... МАМО... Истово, как молитву, шептала она дорогие имена. Откликнулись ли они ей оттуда?

Встретилась ли она с ними там?

К ПОРТРЕТУ ОТЦА

Большой, веселый и добрый!—
шпалотес, смолокур,
лесоруб, сплавщик,
и бондарь,
и даже —
о ирония судьбы —
продавец!—
с четырьмя классами образования,—
и завскладом ОРСа,
и конюх —
при орсовских лошадях
одновременно...
Нет!—
Это не тебя
отвозит на кладбище
твой рыжий конь
со звездой на лбу,
которого твое орсовское начальство
распорядилось продать в колхоз,
как ненужного, лишнего.

А ты
не смог расстаться с маленьким,
и заплатив за него сам,
сам поднял его на ноги...

А спустя время
сам объезжал (совсем недавно...)

А он
с горячими от страха глазами
вставал между оглоблями
на дыбы

и падал на колени,
и снова вставал!..

НЕТ!—

Это не твой рыжий конь
со звездой на лбу
осторожно обходит теперь
ямы и ухабы,

словно боится
сделать тебе, мертвому,
больно...

Нет!—

Это не на твоём холодном лице
не тает
январский снег
пятьдесят восьмого года...

Нет,

Отец, нет!

Ты не можешь
вот так исчезнуть
из моей жизни,—
такой большой, веселый и добрый!

А твой рыжий конь,—
как же он будет без тебя —
своего хозяина!

...Странно,
о матери я в этот момент
не думала.

ОСЕНЬ НА МЕЗЕНИ

Мне снился маленький сад в Гурзуфе:
не старый, не молодой,—
миндаль, кусты шиповника, яблони, груша, инжир и
вишня,
и мелкий виноград, весь в прозрачных сентябрьских
листьях...

Мне снился этот сад, хотя я знала,
что уже давно его растолкали бульдозерами.
В последние годы сад часто слышал, как хозяин,
бывший военный,
с горечью говорил о возможном (а потом уже и
неизбежном) переезде,
о тяжбах с начальством, о будущей бетонной коробке,
которую поставят на месте сада...

Но сад не верил в свою гибель!—
не верить было легче,
я это знаю:

У меня на глазах умирала моя мама,
а я не верила в ее смерть
и строила планы — приехать с мамой на море,
потому что мама моя еще никогда не видела моря...
Мне снился сад.

А за осенним окном шел снег.

И стояла оглушительная тишина!

Так бывает в ночь первого снегопада.

ПАМЯТИ ЭРНСТА ХАЛЛОПА

1. Прощание в башне Пикк-ялг

Уходя,
оглянулась еще раз:
в узком горле

старинной хрустальной вазы,
как свеча,
горела одна-единственная алая роза.

2. Сон

По крутой лестнице
ввинчиваюсь
в каменную высь твоей башни.
уже подрагивают от усталости колени
Все чаще я приникаю пересохшим ртом
к открытым бойницам.
А лестница все не кончается.
А твоей двери все нет и нет...
И вдруг стало светло-светло,
будто с башни кто-то сорвал крышу...
Так оно и оказалось!— крыши над моей головой не
было,
и мастерской твоей не было...
Была только круглая площадка,
на которую и вывела меня
винтовая лестница.
А внизу тихо стоял старый Таллинн.
А за спиной города, над морским заливом,
в красных лучах уходящего солнца
пролетала какая-то птица,
похожая на ... ангела.
Птица летела мимо башни,
и в ее розовом от солнца клюве
висел твой «Автопортрет»...
В некрашеной раме,
в какой он и висел в башне-мастерской...
Птица уже почти пролетела,
и тут
прогремели два выстрела!—
и я не успела увидеть, что случилось с этой птицей

— твоим ангелом?!—

И я не успела увидеть, что случилось

с твоим «Автопортретом»:

я проснулась...

Зачем?!

3. Плач

От твоей башни до моего Севера
три с половиной тысячи километров
было...

Сколько теперь?—

когда не стало тебя

на Земле?

Кого спросить, кто это знает,—

где ты теперь, в каких измерениях?!

И кто ты теперь? (или может быть,— что?..)

Звезда ли

над старым Таллинном,

форель ли

в морском заливе,

или черемуховый куст,

вдруг пробившийся

у сельской ограды?

или все-таки —

человек?!

Есть ли надежда

потом

свидетелься нам,

не разминувшись в пространствах,

здесь живущим пока,

неведомых?

Есть ли надежда

потом

узнать нам друг друга,—

в звездах,
рыбах
или деревьях,
или все-таки —
в людях —
там?!

4. На лесном кладбище

Уходя,
оглянулась еще раз:
на мраморной плите,
как свеча,
горела одна-единственная белая роза.

ПАМЯТИ ОТЦА И МАМЫ

Высокий холм.
Река. И дом.
А в доме том —
все кверху дном.
И ни души, и ни души!
Куда же все мои ушли...
Закат карминный
тает, тает.
Луна, как мина,
вдруг всплывает.
И вся Земля, и вся Земля
Становится как мел бела.
Оставив дом,
иду селом...
Иду Землей,
в надежде встретиться с семьей...
Но ни души, но ни души!
Куда же все мои ушли...

УЕЗЖАЯ В ГОРОД, ПРОСИЛА ПРОЩЕНИЯ...

Уезжая в город, просила прощения у родных могил на погосте, что не гранит и не мрамор остаются над ними, а оградка сосновая да кресты лиственничные.

Уезжая в город, просила прощения у отцовского дома, что пришлось продать его, чтобы не доживать ему одному, вращая в землю живьем, обезлюдев...

Уезжая в город, просила прощения у реки моего детства, которая поведала мне однажды обо мне самой, что я тоже есть часть природы: ее вод, ее трав и цветов, ее рощ. Что я едина с ними всею своею плотью. Е-ди-на!

(Я это так хорошо помню: я обнаженная, в июльской реке после черной бани. И — внезапно и остро — ощущение жизни в себе и вовне: воедино!)

Уезжая в город, просила прощения у односельчан, которые еще там, в детстве, заронили в мою душу вечную тоску по гармонии... По ладу...

Уезжая в город, просила прощения у родных могил на погосте, у отцовского дома, у реки, у односельчан. И все они простили меня. Только я сама себя не смогла простить:

так и живу, терзая душу непощением.

ПОСЛЕ ПРОДАЖИ ДОМА

Когда блеснет

подковой синей

вдоль солнечных песков

река

в последний раз

и минет, минет

за облака,

за облака,—

не оглянусь,
но въявь увижу
в тот миг
(и после, и всегда)
изгиб реки,
которой ближе
уже не будет
никогда,
деревню,
дом отцовский,
лица
односельчан,
смотрящих вслед.
И все тогда
во мне стремится
назад.
Домой.
Но дома — нет.

«КРАСНЫЙ ДОМ»

(к картинке К. Малевича
«Красный дом», 1932 г.)

Вот он,
мой Красный Дом!—
упирается черной крышей в облака,
синие, белые, желтоватые...
Неправда,
что в моем доме нет окон,
только три трубы
на крыше...
Неправда,
мой Красный Дом —
одно сплошное окно,
распахнутое

на все четыре стороны света.

И со всех сторон

сбегаются к нему тропинки...

И со всех сторон

я жду в моем доме друзей:

Из Тбилиси — Нану с маленькой Мариам,

из Таллинна — Майле и Ханса,

Сайму и Арво,

из Хельсинки — Марьятту и Осси,

из Казани — Аскара и Рамилю с Диной,

из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара,

Орла, Будапешта,

из Удоры —

отовсюду

я жду в моем доме

друзей.

Я знаю,

они непременно приедут однажды

все вместе!

Они ни за что не перепутают

мой Дом

ни с каким другим —

ни во времени,

ни в пространстве...

Здравствуйте, друзья! —

скажу я им. —

Мой Красный Дом — Ваш Дом!

Добро пожаловать, мои родные,

Здравствуйте!

МАРТОВСКАЯ СКАЗКА

Над белым полднем все весомей,

ярче солнце!

Следы полозьев санных —

«рельсы» узкоколейки ледяной —
сверкают, блещут и уносят
передо мною
мой портфель, —
его заносит и сбивает,
но вновь его я подгоняю
тяжелым валенком
(по «рельсам»!..)
Как паровоз, пыхчу сама.
лечу за ним
на всех парах
домой из школы!
А вот и станция конечная:
родимый дом в крутых сугробах.
Навстречу мне, как пламя рыжий,
бежит трехдневный жеребенок,
цветет черемуха за окнами,
а бабушка у самовара чаёвнивает,
ждет меня...
Потом в запечье
ей долго рассказываю сказки я,
пока она не засыпает...

ФАНТАЗИИ НА ТЕМЫ СТАРОГО ГОРОДА

1. В башне Пикк-ялг 13 сентября 1986 года

Здравствуйте.

Можно, я зайду к вам на минутку?—

я только переведу дыхание,—

все-таки нелегко было подниматься

так высоко,

под самую крышу...

Уже не так легко, как прежде.

Да, я бывала в этой башне.

Да, мы были знакомы с покойным Мастером.
Можно, я присяду
в этом черном кожаном кресле,
между черно-лаковыми львами,—
я всегда любила сидеть именно здесь...
Мастер варил мне кофе. Еще в довоенной кофеварке.
А потом наполнял высокие, узкие рюмки
«Вано Таллинном».
И мы говорили, говорили...
Об Италии и Коми.
О мужчинах и женщинах.
О спиннингах и лососях.
О живописи и политике...
Боже мой, о чем мы с ним только не говорили...
А теперь Мастера нет.
И тем не менее,
я все равно
продолжаю возвращаться в Таллинн...
Увы, Метсакалмисту,
как и любое другое кладбище на свете,
наверное,
не самое лучшее место для долгих дружеских бесед.
Можно, я побуду с Мастером здесь,
в его бывшей мастерской?
Нет, вы нам нисколько не помешаете.
Я уверена в этом.
И очень давно.
Спасибо.
Айттэ.
Я правильно сказала по-эстонски?
Вы знаете,
звучит почти так же,
как на моем родном коми:
Аттьё.

2. В присутствии Старого Томаса

Сырыми

осенними тропами-улочками
продираюсь

Сквозь сумеречный «лес»
каменных домов и башен...

И, выныривая
на неожиданно солнечной «поляне»
Ратушной площади,
едва сдерживаюсь,
чтобы не закричать во весь голос:
я так люблю тебя,
Таллинн...

3. «Мюнди баар»

Эй, в погребеке?
Есть кто-нибудь живой?
Так встречайте же гостей из Коми...
О-о, как ты хорош,—
будто лепил тебя
сам Великий Микеланджело...

А сколько кабаньих шкур распято
на стенах твоего подвала,—
уж не охотник ли ты?

Нет?

Но кто же тогда?

Метрд...отель?

Ну и словцо,
и не выговоришь сразу,
без привычки.

Ну какие в нашем таежном краю
метр...дотели?—
охотники — да!

Вы извините нас, пожалуйста,
метрдотель.

И, пожалуйста,
по кружке пива нам, охотникам.
У вас только кофе?
Значит, по кружке... кофе!

4. У Вирусских ворот

Я в отпуске.
И никуда не спешу.
И могу позволить себе
поторчать в магазине «Моода»,
сходить в театр на оперу,
или на выставку Толтса в Кадриорге,
выпить чашку кофе в Девичьей Башне на Вышгороде,
или в «Старом Томасе» на Ратушной площади...
Могу позволить себе
покоротать время на цветочном рынке,
посидеть рядом со старой доброй эстонкой,
так похожей на моих многочисленных тетушек
с берегов Вашки...
Посидеть просто так.
Молча.
К нашим цветочным берегам
то и дело будет прибивать кого-нибудь из толпы,
и, вглядываясь в них,
я снова и снова буду поражаться
простым и вечным истинам:
о как прекрасна молодость,
озаренная светом первой любви...
о как прекрасна старость,
озаренная светом мудрости...
о как прекрасно дитя,
озаренное светом родительской гордости и надежды...
о как прекрасны одинокая женщина или одинокий
мужчина,
озаренные светом человеческого достоинства...

о как прекрасна жизнь,
озаренная светом Гармонии.

5. Врачевание по-таллински

Хелле

долго колдует
над большим глиняным чайником
и наконец разливает в белый фарфор
прозрачно-малиновую ароматную жидкость.

Я пью ее, обжигаясь,
не могу напиться,
и в который раз
Хелле снова наполняет мою чашку.

Пока простудный жар
не оставляет меня, не уходит...

Спасибо Хелле,
которая без лени
и высокомерия к природе
собирала и сушила
липовый цвет,

6. Диалог

Цок-цок, цок-цок...

Рыжий конь тычется в мое плечо
мягкими, теплыми губами,
словно спрашивает меня:

долго ли я еще собираюсь бродить
по этим каменным лабиринтам,
не пора ли мне вернуться
на заливные луга и поля нашей родины,
на Вашку?

Зачем это я повадилась приезжать сюда,
что общего у меня может быть
с этим старым городом?

О мой рыжий конь,

если бы я могла ответить на твои вопросы...
сам-то ты что повадился бродить со мною
по белу свету?

Молчишь?

То-то же...

Вдруг стало тихо над улицей Лабаратоориуми,
только высоко-высоко в небесах
как будто
прошелестело что-то:
может быть, это пролетели над нами
Ангелы нашего детства...

7. В доме Хийет

Когда звучит кáннеле
на чердаке дома по улице Виру,—
это скорее всего

Майле,

хозяйка дома,

играет для каких-нибудь гостей:

из Финляндии или Армении,

или Коми...

Хрустальные звуки

старинных эстонских мелодий

переливаются через край

черепичной крыши,

словно воды весеннего ручейка,

вырвавшегося из берегов,

и падают на каменную мостовую,

или прямо на головы вечерних прохожих.

От неожиданности

они вздрагивают, а потом,

смешно размахивая руками,

начинают ловить

летающие сверху

звуки музыки,—
когда играет Майле Хийет.

21—27 сент. 1986 г.
Таллин—Ленинград

Одержимые рисунком

Единственная

акварель Хокусая

в Национальном музее, в Токио,

который нам показали,

был натюрморт:

с бледно-изысканным цветком орхидеи...

Словно прощальный взмах чьей-то руки,

тонкой и прозрачной,

чуть надломленной...

Уже из вечности?

Июнь, 1987 г.

Токио

Эскиз по памяти

Черно-белая графика

юных мужчин

в европейских костюмах,

и хрупкая живопись

юных женщин

в кимоно,—

на вечерней Гиндзе, после выпускного

бала...

Словно века столкнулись

нечаянно.

И ведь надо же,—
века так выгодно дополняли
друг друга!

Июнь, 1987 г.
Токио

В ТБИЛИССКОМ ПАНТЕОНЕ

...«Бараташвили, Церетели, Серго Закариадзе» — читала я на надгробьях знакомые имена, удивляясь про себя, что знакомых имен так много.

Над чьей-то могилой склонилась старая крестьянка в черном, босая, неспешно вытирала глаза длинными, потемневшими то ли от солнца, то ли от времени пальцами... Кого оплакивала она?

Невольно вздрогнула, прочитав на одном из памятников давно знакомое, хрестоматийное: «Зачем пережила тебя любовь моя?» — юная вдова Грибоедова, написавшая эти строки, умерла в 46... Почти 30 лет спустя после гибели своего Вазира-Мухтара. Но с тех пор они уже навечно рядом здесь, в пантеоне. Два незримых спутника.

А босая черная старуха по-прежнему сидела над одной ей, может быть, известной могилой.

* * *

На окраине Тбилиси,
за Дигомским массивом,
растет не совсем обыкновенный сад:
все деревья

в этом саду
названы

чьими-нибудь

именами.—

Вишня,
 та, что растет у самой калитки,—
это Нана,
единственная дочь старого Георгия,
хозяина сада...
Черешня,
 та, что рядом,—
это Юлле
 из Таллина,
подруга Наны...
Абрикос,—
он стоит немного особняком
в этой компании деревьев,—
Леван,
 брат Георгия,
погибший на Великой Отечественной...
Два дерева,
 растущие близко-близко
друг от друга,
яблоня и инжир,—
это сам Георгий
со своей женой, Зинаидой Филипповной...
Однажды
в саду появилось
 и мое дерева —
груша,
 названная Галиной
в мою честь...
Я верю,
что когда-нибудь
вся наша Земля
будет
Садом Друзей!
Я знаю,
я верю!

и у В. А. Моцарта
в старинном Зальцбурге,
и у А. С. Пушкина
на Мойке, в Ленинграде,—
всегда и повсюду,
в каждой разлуке с тобою,
каждый раз так неожиданно
настигают меня
воспоминания о тебе,—
моя единственная,
моя суровая и нежная,
моя маленькая родина,—
КОМИ,—
мой дом, моя судьба, моя надежда!

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБЕ

Дождь за окном.
Сумерки.
Между
 задымленных
 поперечин рамы окна —
четыре картины
 лета:
и первая
 про иван-чай,
и вторая
 про иван-чай,
и третья
 про иван-чай,
и четвертая
 про иван-чай...
Житие Лесной Травы.

В миг,
когда лодка моя
над омута черной водой
проплывала,
мне показалось:
лодка
скользила наперегонки
с семужным стадом —
по ослепительно-белому облаку
в небе высоком.

ТРИ ДНЯ В ПЕЧОРО-ИЛЫЧСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Вслушиваюсь
в прохладную тишину
Старого Урала,
вглядываюсь
в хариусовые воды Илыча,
разговариваю
с егерями, лесничими, охотниками,—
и все время
мучительно вспоминаю что-то,
полузабытое...

Наконец, вспоминаю!—
саму себя.

В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

1

Живое чудо-дерево,
оленья стадо,

поскрипывает
ветками-рогами,
упираясь
в Млечный путь.

2

Как птенцы
— полярных сов,
еще не поднимающихся на крыло,—
дети оленевода
в пушистых малицах.

3

Клочья февральских туч
летят над тундрой,
едва не задевая
голубые паруса чумов...
А может быть, это летят
души
умерших пастухов
вослед
тысячеголовым стадам оленей?..

4

Ворох
нездешних
жарких цветов
на плечах ижемки —
заморская шаль,—
добрый дух — джин,
выпущенный
из бабушкиного сундука.

Только сдержанно-алый след
 уходящего дня
 в закат.

«БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА»

Для кого — ковш. Для кого — серп.
 Для меня — и не ковш, и не серп. А герб
 на полотнище синего флага небесного
 государства, покуда что нам неизвестного.

НА ТОБЫШЕ

Избушки
 желтое пятно
 (недавно срубленной, наверно)
 над устьем речки
 засветилось
 тепло,
 маняще...
 Гладь травы
 чуть-чуть рябило
 в тишине.

НА ОКРАИНЕ СЫКТЫВКАРА

Акварельно-размытый пейзаж:
 деревенька, дымы, ограды,—
 все подернуто предошущением
 теплого снегопада.

Будто
камень-валун
под водой,
прозрачной и тихой,—
бабушкин дом
дремлет в белой ночи,
уткнувшись
распахнутыми окнами
в черемуховый палисадник.

ЦИКЛОН

Белый косматый зверь
разнежился — лежит
на цветущих
яблонях,
грушах
и вишнях...
Снег.

В АВГУСТЕ

В теплых веснушках звезд
огромная ночь,—
огромная ночь,—
как чья-то распахнутая душа.
Я перестаю быть:
все — ночь,
все — душа.

Все
отнимешь,
а я прорасту
воспоминаниями,
словно августовские луга —
зеленой отавой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРКУРИЯ

Уговорю себя не плакать.
Не оборачиваться вспять.
Взойду, бесстрашная, на плаху
я одиночества опять.

Судьбу пытаю иль пытается
она меня? Не знаю я.
И, может быть, никто не знает.
Но тихая с небес слетает
В ладони мне моя звезда.

ИЗ НЕОТПРАВЛЕННЫХ ПИСЕМ

1

Предавгустовский звездный свет
на позднем небе чуть мерцает.
И вновь и вновь напоминает,
что было. Но теперь уж нет.

И уж не вспомнить все, о чем
ты говорил, хотя прилежно
тебе внимала... Только нежность
витает в сумраке ночном.

К твоей влюбленности себя
так осторожно примеряла,
так отстраненно

принимала

твои слова,
что неожиданностью мне
печаль теперешняя стала:
я все предвидела, предзнала,—
но что во сне
являться будешь ты потом
в меня по-прежнему влюбленный,
а наяву,

по телефону
услышу в голосе твоём
иное я

и загрущу,—
не думала я, не гадала,
уверенная, полагала,
что защищу
себя собою,
боль постигшей —
падений боль, боль воскрешений,
боль святости, боль прегрешений,—
уже — живой,

еще — погибшей...

Увы. Ни опыт, ни судьба
не отвели своей рукою
стрелы, отравленной тобою.
Увы, люблю. Увы, тебя.

Песок, песок, песок...
Река у самых ног.
И твой опасный слог —
когда все между строк.

утром, в субботу, двадцать третьего января
почти конца двадцатого века
в нежной тоске и щемящей
по земле,

по деревне,

по нас с тобою,
когда-то крестьянским детям...

Вот так,

рука об руку.

...Вспомнишь ли ты

этот миг

когда-нибудь

в своем большом и далеком городе?!

* * *

Мне становится

страшновато

за тебя,

когда твоя

измученная болезнями плоть

обретает невесомость,

потому что мне кажется,

что это

какая-то

странная невесомость...

Мне становится страшновато

за тебя,

когда

вокруг твоей головы

загорается

некий нимб,—

потому что мне кажется,

что это

какой-то

странный нимб...

Но когда
 твоя невесомость
снова исчезает,
но когда
 сияющий нимб
 вокруг твоей головы
снова меркнет,
я ловлю себя на мысли,
что в невесомости и сиянии нимба
ты все-таки была
 дальше
от безумия,
и я молю Бога,
чтобы он
 ниспослал тебе
невесомость
 и сияние нимба
снова!

БУТОРА ¹

Ой, ветер,
 северный ветер!—
опять ты буторишь
 белую гладь моего моря,
опять ты бросаешь мой баркас
 на прибрежные камни,
опять ты рвешь мои стеклянные сети,
опять ты загоняешь
 в морскую пучину
 мою золотую рыбу-семгу...

Ой, ветер!
Ой, бутора — судьба моя.

¹ Бутора — так называют северный ветер поморы.

ОБЛЕПИХОВЫЙ СОК

Какой приторный оказался
облепиховый сок,—
пересластили...
Разбавим водой?
Разбавили.
Ну и что?—
теперь и вовсе ничего не осталось
от облепихи.

* * *

Еще
горит
свеча.
Но скоро,
увы, уже скоро
она догорит...
Еще
горит
любовь.
Но скоро,
увы, уже скоро
она догорит...
А жаль.
Жаль, что любовь догорает,—
если бы только обиды и боль,—
Но любовь...
Жаль.

К КАРТИНЕ Л. ГУЛАЧИ «ЭКСТАЗ»

Странная пара.
Мужчина и женщина —
в мареве страсти,
словно произрастающие друг из друга.
Реальные и нереальные
одновременно.
Странная пара.
Но почему меня не покидает ощущение,
что это мы с тобою:
в мареве воспоминаний...
О будущем?

* * *

Радуюсь
долгому пристальному взгляду
и внезапной улыбке
чужого ребенка,—
как доброму знаку
доверия...

Радуюсь
живым звукам фортепиано
на лестничной площадке четвертого этажа
нашего дома...

Радуюсь
огненно-алому
единственному
цветку герани,—
он зацвел так неожиданно, уже
в самые короткие и темные дни декабря...

Радуюсь
новым обоям в моей квартире,—
они напоминают мне о прошедшем лете,

о теплой лесной опушке,
осыпанной соцветиями шиповника...

Радуюсь

твоему позднему телефонному звонку...

Эй, Луна!

Не вспугни

мои простые радости...

* * *

Возведу Дом.

В самой себе, в собственном сердце.

Дом, где пахнет теплой сосной
и теплым хлебом.

Где на широкой теплой печке
речной песок.

Иногда

я буду погружать в него

озябшие ноги,

усталые уже и натруженные,

и буду вспоминать Детство —

этот речной песок целебный,

я это знаю наверняка:

маленькая,

сколько раз среди зимних ночей,

зареванная от боли,

я успокаивалась только на печке,

засунув ноги в горячий речной песок,

светло-желтый и чистый-чистый...

Возведу Дом

в самой себе, в собственном сердце.

Дом, где навсегда сохраню

тепло родительских рук,

тепло дружеских посиделок с соседями:

за первой ягодой,
за первой картошкой,
за первой рыбой...

Дом, где навсегда сохраню
тайность твоих записок в школьной тетради,—
в памятный день расставания навсегда:
перед нашими отдельными друг от друга
жизнями,
перед нашими отдельными друг от друга
потерями,
перед нашими отдельными друг от друга
новыми дружбами и любовями...

Возведу Дом
в самой себе, в собственном сердце.
Дом, где найдется место
и горьковато-дымным лесным избушкам
на берегах быстрых, холодных лесных речушек...
и властно-спокойно несущей
свои весенние воды Вашке,
и прощальному взгляду коня Буяна,
через столько лет
признавшего меня...
там, на окраине родного села.
Мы, наверное, были с ним
одними из немногих,
кто еще что-то знал и помнил о Жизни,
происходящей когда-то здесь...
кто еще что-то знал и помнил о Тех,
с кем она происходила,
та, другая, Жизнь...
Во всяком случае
мы были с конем Буяном последними,
близкими друг другу очевидцами,
почти родными,
если только так бывает
между людьми и животными,—

мы ведь почти вместе росли
в нашем Детстве...

Возведу дом...

По-крестьянски крепкий и надежный.

Может быть,

не очень счастливый.

Но зато крепкий.

Но зато надежный.

08.08.89 г. Сыктывкар

В НОЧЬ НА 12 СЕНТЯБРЯ 195...ГОДА

Все, что было с детства привычно очерчено правильным кругом горизонта — несколько деревушек, с потемневшими тесовыми крышами; остывающие уже реки, Йортым и Вашка, сливающиеся недалеко, за перекатом, в одно русло и убегающие дальше вместе; ближние и дальние леса и рощи в последних листьях; старое кладбище на высоком сосновом бору; зеленые заплатки озимых полей среди рыжих — уже скошенных, с одинокими скирдами ячменя и ржи, — все это я оглядывала мысленно, по памяти, в крошечной тьме осенней ночи в ожидании рассвета...

Рядом дремал отец над потухшим костром: с рассветом мы с ним должны проверить наши сети...

Вдруг мне показалось, что вот так уже было со мною когда-то!

И что так еще будет...

БУРÖ-ВИЗЬÖ

ЧЕЛЯДЬДЫРСЯ СЬӨЛӨМ МӨВП

Шонді петөмөн ловзьё бурсьыс-бур лун.
(Мед и кымөра, и зэрё, и весиг шутьлялө турөб).
Шонді пуксьөмөн лөньё бурсьыс-бур вой.
(Мед и кымөра, и зэрё, и весиг шутьлялө турөб).

Керкаясыс чужан сиктын —
юртө чатөртмөн джуджыдөсь.
Муяс вылын быдмө зарни сю.

Катө кульмыны гөрд чери, лёль.
Асья пызан тыр пөсь рудзөг нянь.
Руалө лола яя шыд.

Мамө радейтө менө и батьөс.
Батьө радейтө менө и мамөс.
А ме радейта ставнысө и ставсө:
и мамөс, и батьөс, и дорся олысь пөчьясөс
(кызди өти вира войтырөс);
и нывкаясөс и зонкаясөс
(кызди ас чой-вокөс);
и Буян вөлөс, и Вашка юөс,
и еджыд юнь, и кодзула декабрь,
и пожөма ягъяс, и мырпома нюръяс —
ставыс төрөны менам ичөтик сьөлөмө.

И меным чайтсьө,
мый тадзи лоө
нэм-нэм чөж.

МАМЛӨН САДЬМӨДЧАН СЬЫЛАНКЫВЪЯС

1. Төвся

Сувт, менам байдөгө,
сувт, менам бордьяө,

сувт, менам нылукö...
Видзöдлы ывла выв,—
лым усьö!
Медводдза!
Еджыдсьыс-еджыд!
Керка вевт,
öшинь ув,
юкмöс дор,
пес чипас,—
бытьö гөн шебрасөн
тупкöма-вевттьöма...
Сувт, менам байдöгö,
сувт, менам бордъяö,
сувт, менам нылукö!

2. Тувсовья

Сувт, менам дрöчкаö,
сувт, менам öтиö,
сувт, менам нылукö...
Видзöдлы ывла выв,—
ыджыд ва воöма!
Пырöма сиктаным
войбыднас, сöдзöма,—
ойдöма гөгöрбок!
Керканым ва шöрас,
бытьöкö пароход,
сулалö-довьялö:
кывтны-ö, катны-ö...
Сувт, менам дрöчкаö,
сувт, менам öтиö,
сувт, менам нылукö!

3. Гожся

Сувт, менам оз тусьö,
сувт, менам чöскыдö,

сувт, менам нылукö...
Видзöдлы ывла выв,—
шондýс ярмöма!
Вашканым пузьöма,—
сы мында купайтчысь,
лэччыв тшöтш, пальöдчы...
Сувт, менам оз тусьö,
сувт, менам чöскыдö,
сувт, менам нылукö!

4. Арся

Сувт, менам сьокатö,
сувт, менам эзысьö,
сувт, менам нылукö...
Видзöдлы ывла выв,—
батыдлы нимлуннад
шедöма лёль чери,
тöкötьö абу
тэ судта, тэ пасьта!
Зарниа арыслөн
быд пöлöс рöмыс
инмöма кучикас:
югъялö-лöсталö...
Сувт, менам сьокатö,
сувт, менам эзысьö,
сувт, менам нылукö!

«ПАРМА» АНСАМБЛЬЛЫ

Кутшöм кыв вылын
тэ мөвпалан мөвпьястö,
кор ас кежысь?—
Ме весиг шай-паймунли
роч гижысьлөн юалöмысь...

зельёдчө варов ёльясон,—
и шоньд, и кӱдзыд,
и кос, и ва,
и йӱзӱн тыра и куш пельӱсьяса,—
олӱ-вылӱ,
ассьыс быд лунся удж вӱчӱ
миян Му.

Мудзлытӱг ветлӱдла Му вывті,
мудзлытӱг видзӱда сы вылӱ,
мудзлытӱг кывза сійӱс,
и мудзлытӱг шензя,
мый и меным усьӱма шуд
овны тайӱ Му вылас.

Збыль кӱ, мый сӱмын бӱрйӱмаясла
воссыйлӱ таладор югыдыслӱн ӱдзӱсыс,
тай лӱза-гӱрда-вижа-вежа Муыслӱн ӱдзӱсыс,—
кутшӱм жӱ Мортӱн колӱ лоны
Му вылын тӱныд индӱм кадколаст олӱгӱн?!

СЕМЕН АГЕЙ

Веж ниа пу кодь на сійӱ,—
джуджыд да ён.
Чужӱм вывсьыс абу на дзыкӱдз вушйӱма
вӱвлӱм мичлуныс.
И видзӱдласыс на ясыд,—
и авьялуныс, и вежӱр, и ачыс кадыс
быттӱӱ сӱні —
матӱ дзонь нӱм нин.

А Семен Агей гӱгӱр
жуӱны-бергалӱны
олӱма нин войтыр

и дзик на посни:
ныла-пиаыс, налөн верөсьясыс да гөтырьясыс
быдтасьясыскөд,—
матө нелямын морт,— быттьө
Семен Агейлөн вужьясыс.

А Семен Агей
зымвидзө-пукалө ас котыр костас.
Читкырасьё-нюмъялө:
Майбырөй пө дай олөмөй!

* * *

Кодлөн Паспомын
медся джуджыд да ён керкаыс?
Кодлөн Паспомын
медся ыджыд челядь котырыс?
Кодлөн Паспомын
медся рам да киподтуя верөсыс?
Кодлөн Паспомын
медся чөскыд пуём-пөжасыс?—
Даней Сан Марейлөн!
Кодлөн Паспомын
быд во и турипув, и мырпом?
Кодлөн Паспомын
быд во и кос льём, и кос чөд?
Кодлөн Паспомын
быд во и сола тшак, и сола чери?
Кодлөн Паспомын
быд во и ас нянь, и ас йөв?—
Даней Сан Марейлөн!
Кодлөн Паспомын
эжмөма гортдор муыс?
Кодлөн Паспомын
нюйтмөма чери вискыс?

Кодлөн Паспомын

көдздөма керка пачыс?

Кодлөн Паспомын

лым тола улын кильчө содйыс?—

Даней Сан Марейлөн...

*Даней Сан Ольгалы, коді кызь арөс-
сянь кувтөдзыс виччысис война вы-
лын вошөм верөссө, казътылөм пыд-
ди...*

* * *

Тувсов шонді моз,
дона верөсө,
лун и вой
тэнө виті, тэнө виті.
Катша ыб ув
гөри-көдзи,
агсали.
Тэнө виті, тэнө виті.
Көдзи, көдзи,
синванам мусө
киськалі.
Тэнө виті, тэнө виті.
Сюөдз вошти,
вунді-вунді,
кольтаали.
Тэнө виті, тэнө виті.
Сөрө шөті,
косьті-косьті,
дай өшөді.
Тэнө виті, тэнө виті.
Рынышын ме

варті-варті,
дай төлөді.
Тэнө виті, тэнө виті.
Изі-изі,
пож пыр лэдзи,
выль нянь көті.
Тэнө виті, тэнө виті...

ЮКМӨС

Кымын во сайын,
көді да кызди
сиктпомса юкмөссө
карлөма-вөчлөма?
Перйөма му пытшьыс
медчөскыд васө?
Мөдөд нэм, гашкө, нин
юкталіс войтырсө
югыд, сөдз ваөн...
Но, тыдалө, кад воис,
струбаыс кутіс
рабзыны-сісьмыны,
вижөдіс ваыс,
гудыртчис, лөкмис,
чөслуныс быри...
Выль струба ковмас
лөсьөдны-вөчны,—
шуисны бать-мам.
И со, керка пельөсын,
тувсовъя ытвалөн
раммыштөм мыш вылас
довъялө ниа пу...
Лун сайын сійө на
ён пашкыр лысьяса
грамвидзис-сулаліс
ойдөм вөр ді вылын:

джуджыд, кык сыв кызта...

Пыж вывсынь пилитіг
бать-мамлы ковмыліс
кымынысь лов вежны...

Қоркө-некоркө
ниаыд вөрзис жө!—
сьөкыда ратшмуніс,
өдөбсис увлань,
шувкнитіс-усис
веськыда ваас,—
кыпөдіс васө
матө ас судтаыс,
гызьөдіс, төкөтьө
миянлысь пыжнымөс
дзикөдз эз гумовт!..

Быттьөкө клянича
шыбитіс кодкө
тувсовъя сынөдас,—
сяркнитіс-резыштіс
юр весьтын ваыс,
здук кежлө өшйыліс быттьөкө,
сэсса
шлапнитчис бөрө
пузьылөм ытваас...

Но кад воис,—
ытвалысь медбөръя войтьяссө
быттьөкө муыс сыркнитіс-юис,
звөз помын косьмис...

Ләптісны ас вөчөм пилитчан рамаяс:
кузь, паськыд пилаөн ниатө вундісны,
черьясөн лөсісны ниалысь шөрсө,
и кык торъя юкөнысь вөчисны өтиөс...

Ләдзисны муө
мичасьыс-мича,
югыдсьыс-югыд
шнички вель струба!

Онi на сикт помын юкталö войтырсö
кöдзыд, сöдз ванас?
Онi на копрасьö тури кодь сылінас
вала быд волысьлы?—
Бытьöкö быдөнлы быд пöрйö аттылö...
Ок, эськö лоны кö юкмöс кодь джуджыдөн,
Ок, эськö лоны кö юкмöс кодь югыдөн,
ок, эськö лоны кö юкмöс кодь лышкыдөн,—
миянлы быдөнлы...

КОЛА

Шув-шув-шув,
лолыштас-апыштас
дорсьысьлөн ки улын,
польдöдчас
ноп сяма кучик...

Шлоп-шлоп-шлоп,
лэдзас кыз ловсö,
укшальмас,
вöсняммас
бөр...

И öзйö сэк колаын
сьöd биөн,
ыпъялö,
сотчö
лонйыс...

Ков-ков-ков,
камöдчö дорсьысь
доналём кöрт вылын
ворсöдчö
бытьöкö...

Тук-тук-тук,
лөсьөдө-пелькөдө,
мичмөдө
пөдкөвсө...

И пузьом ва дозйысь
кыскө көрг ёкмылысь
дорөмтор...
мыччөдө меным...

На пө тэд, нылук,
шуд вылө,
нэм кежлад,—
син моз
видз...

Ме тай нө,
грек вылад,
өдйө и вошти
дорсьысьлысь козинсө..
Дорсьысьыс кувсьөма,
колаыс киссьөма,
турунөн пырзьөма.

* * *

Джуджыд да югыд
пожөма ягын,
Мыдмөс нөрысын,—
шнички выль
керка сулалө.

Тувсов шондйыс
Сирөн войтөдө
кыз керьяссө,—

сӱмын инмӱдчыв,
сотас китӱ.

Дозмӱр-тар
лӱбалӱ-жбырӱялӱ
керка весъттӱ,—
нимкодясӱ,
майбырӱй, олӱмӱй!

Табӱя кока
лымсӱ тальӱма
подӱдзыс гӱгӱрбок,—
лун-мӱд, и ловзяс сӱн,
чепӱсыяс турун.

Мыдмӱс ю тырӱма
лӱзӱдӱм йиӱн,—
шондӱйс рабӱма
торпыриг рокӱдз
тӱвбыдся пасьсӱ...

Мыдмӱсӱй, Мыдмӱсӱй!
Шоныд вӱр керкаӱй!—
Кымынӱд тулыс нин
мӱвпӱясӱ-шогӱясӱ
тӱ йылысь, тӱ йылысь...

* * *

Эскыссьӱ, вола на
тулысын, коркӱ...
Вита сӱк ытва,
кылӱдча Мыдмӱстӱ,
Йӱртымтӱ, Вашкатӱ.

Ляппетӱм сьӱлӱмӱн
муӱдзыс копыртча

Сёрдласа войтырлы,
веськыдвыв — Йёртымдін,
шуйгавыв — Көртгувья,
Йөвнөрыс сиктсалы!

Быдлаын эмось на,
төдсаяс... нимкоды!
Олөны-вылөны.
Тулыссиянь тулысөдз.
Кымынөд нэм нин.

А ме кодыс,— жалича,—
ас муысь нетшыштчөм!
Вужьясным — пөшалөм,
лэбаліг косьмөмны...
Көді и отсалас, ас муысь өтдор?

Сыркнитан сылысь
сынөдсө, васө,
бара на ловзылан,
бара на олыштан...
Чужанін, чужанін!
Ен тэкөд!
Ен тэкөд!

* * *

Кымөра сынөдыс
сьөдөдіс ваыс.
сөдзтысис (ва пырыс?)—
Вой шөр нин?
Сап пемыд.
Синтө көть бытшкы,—
нинөм оз тыдав.

Ю дорын ыркаліс.
Төдчымөн зэлөдіс.

Став матіггöрсö
топöдіс чöв-лöнь.
Но здук-мöд,
и орис
топöдыс-зэлöдыс.—
Кось помын
(ва пытшсьыс)
нетшыштчис чери,
вынйöра, бузнитчис,
бара на чеччыліс,—
визув вөр юясö кульмыны кайöны
Вашкаті саридзсянь сьöмгаяс-лёльяс.

СЬÖД ТЫ ВЫЛЫН

Вой тöлыс зэлöдас кöдзыдсö,
эзысьöн пужъялас мусö,
тонькнитас сиктсайса тылысь
сирва кодь веркöссö йиön.

Локтамö исласьны татчö,
лöстались йиыс кöть вöсни на,—
ратшъялö, повзьöдчö.
Сьöлöмыд
дзик коклябөрöдзыд усьлö.

Но йи пырыс тыдалысь серпасыс
сэтшöма кыскö ас дінас,
шензьöдö: видзöд пö, видзöд...
И ты вылын раммö збой челядь,—

Ляскöма нырсö дзик йи бердас,
вапытшса слöмсö кыйöдö...
Кольöм-ö кадыс тан петкöдчö,
Локтан-ö кадыс?..

ВЫЛЬ КЕРКА

Квайт пельёса,
пожём керйысь,
сыв кызта
сира керйысь
нитша керка тэчам!

Вашкаса важъя черён,
вашкаса лэчыд черён
нитша керка тшупам!

Чикльёс гогынён
быд кер волям!
Кытшыль нуда черён
быд кер лёсалам!

Паськыд пилаён
поткөдлам,
йиртё-джоджё
вольсалам!

Керка вевт вевтням!
Уль сёй көра
пачсё ломтам,
чагйён лөдсалам!

Грымвидзё-сулалё
Йёртымдін сикт помын
ай-мамлён керка...
кымынөд во нин.

ЦИКЛОН

Еджыд, пашкыр гёна
ловъя лов

өшөдчөма-водөма
дзоридзалысь пуяс вылө —
лым.

* * *

И летмуні ки,
и кусі сьөлөм би,
и разьсис олөм гөрөд...
А водзвыв төді —
сөрө.

* * *

Бытьө

кык өтка морт,
чөла видзөдөны өта-мөдыслы син-син,
кыв оз вежны,—

кык чашка

менам асья пызан вылын.

Кыкнанныслөн

пыдөсас —

төрытья курыд сёрни колястор.

* * *

Эськө эски кө,—
мый тэ радейтан,
мый тэ виччысян,
мый тэ шогалан,

мый тэ вой шөр вой
менö кодралан...
Эськө эски кө,
эськө эски кө,—
пырысь-пыр жö и
ассым чужанін
арся лэбач моз
коли асывдор,
качи енэжö,
лэбзи тэ дорö,—
эськө эски кө.
Збылысь эски кө.

* * *

Ыпъялö сись.
Сотчö на.
Пола,
регыд нин, регыд
дзикöдз сотчас-бырас...
Ыпъялö радейтчöм.
Сотчö на.
Пола,
регыд нин, регыд
дзикöдз сотчас-бырас...
Жаль!
Сотчис кө эськө
сöмын лёкыс-курыдыс,
но сотчö радейтчöм,—
а сійöс жаль меным,
жаль.

ОЛӨМЛЫ

Ставсё мырддян,—
а ме,
бытьё арся видз,
выль пөв чужа

лым водзвыв турунөн:

казьтылөмъясөн.

ЫБСА СЕРПАСЪЯС

1

(Японияса поэт Басё серти)

О, съёд пывсян, о!

Съёд пывсян, о!

О, съёд пывсян!

2

Арся мыльк вылын
важъя коми йөзлөн

пу вичко,—

чегөм бордъя

дзодзөг моз

көсйө нетшыштчыны енэжас,—

оз вермы...

Лымъялө.

3

Вердіс-удіс, пасьтөдіс-көмөдіс,

быдтіс менө

эз тайө муыс,—

а ме сылы копрася,
аттьбала:
небыд шөвк турунсьыс,
шонод лөнь Сыктывсьыс,
авья да мелі войтырсьыс...
Гашкө, кодкө мөд
шонод сьөлөмөн
и менсьым чужанінса вөр-васө,
өти сиктсаяссө
аттьбалө...
А төд вылас кутө
татчөс
Ыбса серпасьяссө,
Ыбса олысьяссө...

* * *

Сьөкыд гожся лун бөрын
уль туруна кузовьясөн
кайөны ю дорсянь миян мамьяс...
Ком-сьоката пестерьясөн —
миян батьяс...
Оз тыра чуманьясөн —
челядьпосни...
А на бөрся сиктө пырөдчө нин,
йиджтысьө рам еджыд вой,
и надзөник, надзөник лөньөдө быдөнөс,
унмовсьөдө...
Гожся войыд өд — көч бөж кузьта и эм!
Он и төдлы, бара выль лун сувтас...
А ныла-зонмыс тай нө век на сьылөны-йөктөны,
гудөкөн нязөбтөны!..
Эй, көть здук-мөд кежлө мед удитланнуд
сыркнитлыны!..
Быдөн оз и удитлыны кө-а...
Асья шондыс нин бара му вежсө

шонтö-югзьöдö,
сaдьмöдчö-дзумöдчö.
Сиктса войтыр бара нин ю дорö тэрмасьö:
кузьмös, пелькиник пу пыжъяс вылын
ылыс видзьяслань сынö.
И бара — шондi пуксытöдз!

* * *

Бöрдö Челядьдыр.
Бöрдö Пöрысьлун.
Кыкнанныс öд
ловъя лов!
Но кутшöм сöдз синваыс
öтиыслөн.
И кутшöм гудыр —
мöдыслөн...
Бытьö
важ струбаын
пыдös ва.

ЛЬÖМЪЮЫН

Ветлöдла
куръя пöлөн
(сёй таля,
öдва кокъясös кыскала)
и кык, и куим, и нель рыт чöж.
Кыснася.
И кöть эськö шедö кö мыйкö!—
каньлы некымын ёкышысь öтдор...
Но сöмын пуксяс
виль рыт,

И коть кымын во оз коль,—
верман судзодны найӧс
сьӧлӧмсьыд,
йӧзкӧд юксьыны,—
тырмас кӧ вежӧрыд,
тырмас кӧ кыв-ворыд.

ВӦР КЕРКА ДОРЫН

Асья небыд тӧвруыс
кокниа инмӧдчылӧ
юдорса джуджыд турун бердӧ,
садьмӧдӧ.

Ю пыдӧсысь кыпӧдчӧм сир
сьӧкыда чеччӧ, бӧр шлапнитчӧ-усьӧ,
ва веркӧссӧ поткӧдӧ,
уйӧ.

Сьӧлӧм тракнитчыштӧ, повзыштӧ.
Ваймӧм бипурын
ӧтка сӧрапом моз
гӧрд ӧгырӧн ловзылӧ-югзылӧ...

И сьӧлӧм бара лӧньӧ.
И бара быттьӧ мыськовтлӧ сийӧс
радейтчӧмлӧн пӧсь гыс.
Чолӧм, шондӧй!

КЫШИК Ю

1

Гожся вӧт, юнься вӧт
помтӧг кодралӧма, сьӧлӧм оз личавлы.

Усяс зэр, усяс слёт,—

Кышик ю кольё век медся мичаён.

Кышик юыс, Кышик юыс,
еджыд юсьёс моз, лёньюм юсьёс моз,
пароходнымёс войкөттшөб нуис,—
коркө төд вылад тайё тэд усьлё-ө?

2

Ыджыд ю, паськыд ю

көнкө водзын на, ылын на көнкө...

Ойдөм видз весьтын чөлалё ру.

Весиг чөв олө мудзлытөм көкө.

Кышик юыс, Кышик юыс,
еджыд юсьёс моз, лёньюм юсьёс моз,
пароходнымёс войкөттшөб нуис,—
коркө төд вылад тайё тэд усьлё-ө?

3

Шы ни төв, шы ни төв

узьё вөр-ваыс, быттьөкө кольёма...

Гашкө, вөлі, а гашкө, эз вөв?

Вөлі, дерт, сьёлөм висьём кө кольёма.

Кышик юыс, Кышик юыс,
еджыд юсьёс моз, лёньюм юсьёс моз,
пароходнымёс войкөттшөб нуис,—
коркө төд вылад тайё тэд усьлё-ө?

*Обдор,
1993 во, июнь.*

СОДЕРЖАНИЕ

К истине

Гармония	4
Апрельский сюжет	5
Половодье	5
«Мама сказала: «С богом!..»	9
«История колодца, который и поныне стоит...»	11
Кони моего детства	12
«Как хорошо было там...»	12
Монолог старого конюха	14
К портрету Даней Сан Марии	15
К портрету отца	16
Осень на Мезени	18
Памяти Эрнста Халлопа	18
Памяти отца и мамы	21
Уезжая в город, просила прощения	22
После продажи дома	22
«Красный дом...»	23
Мартовская сказка	24
Фантазии на темы старого города	25
Одержимый рисунком	31
Эскиз по памяти	31
В Тбилисском пантеоне	32
«На окраине Тбилиси...»	32
«Вы любите ходить пешком по озеру...»	34
«Солнце такое стремительно-переменчивое...»	34
«И на сдержанно-приветливом...»	35
В охотничьей избе	36
«В миг, когда лодка моя...»	37
Три дня в Печоро-Илычском заповеднике	37
В Большеземельской тундре	37
«Большая медведица...»	39
На Тобыше	39

На окраине Сыктывкара	39
«Будто камень-валун...»	40
Циклон	40
В августе	40
«Как после драки черный пес скулит...»	41
«О, вольные воды реки...»	41
«Как случайно столкнувшиеся...»	41
«Держу в ладонях мокрое от слез лицо...»	42
«Я опустилась до истерик...»	42
«Между нами тишина...»	42
«Все отнимешь...»	43
Возвращение Меркурия	43
Из неотправленных писем	43
«Я положила ладонь...»	45
«Мне становится страшновато за тебя...»	46
Бутора	47
Облепиховый сок	48
«Еще горит свеча...»	48
К картине Л. Гулачи «Экстаз»	49
«Радуюсь долгому пристальному взгляду...»	49
«Возведу Дом...»	50
В ночь на 12 сентября 195...года	52

Бурё-визьё

Челядьдырся съёлём мөвп	54
Мамлөн садьмөдчан сыланкывъяс	54
«Парма» ансамбльлы	56
«Морёс тырнас лолалё...»	57
Семен Агей	58
«Кодлөн Паспомын медся джуджыд да ён керкаыс...»	59
«Тувсов шонді моз...»	60
Юкмёс	61
Кола	63
«Джуджыд да югьд...»	64
«Эскыссьё, вола на...»	65
«Кымёра сынёдыс...»	66
Сьод ты вылын	67
Выль керка	68
Циклон	68
«И летмуні ки...»	69
«Бытьё, кык отка морт...»	69
«Эськё эски кё...»	69

«Ыпъялө сись...»	70
Олөмлы	71
Ыбса серпасьяс	71
«Сьөкыд гожся лун бөрын...»	72
«Бөрдө Челядьдыр...»	73
Льөмьюын	73
«Мөвпъяс, тувсов ёльяс моз...»	74
Вөр керка дорын	75
Кышик ю	75

Литературно-художественное издание

БУТЫРЕВА Галина Васильевна

БОГ С ТОБОЙ (ЕН ТЭКӦД)

Стихи на русском и коми языках

Редактор А. В. Тентюков. Художественный редактор В. Б. Осипов. Технический редактор А. Н. Вишнева. Корректоры Н. Ф. Габова, Э. С. Греггер.

ЛР № 010039

Сдано в набор 3.08.94. Подписано к печати 3.10.94. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,93. Усл. кр.-отт. 3,08. Уч.-изд. л. 3,5. Тираж 1000. Заказ № 3708. Коми книжное издательство. 167610, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 229.

АО «Коми республиканская типография», 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

**Коми
книжное
издательство
1994**